

УДК-364.694:17

Г. Г. Хубулава

Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина)

Инвалидность в контексте индивидуального и социального опыта

Посвящается эволюции проблемы инвалидности в современном обществе с учетом отношения к инвалидам в закрытых тоталитарных обществах. Опыт инвалидности – опыт по определению личный, субъективный и не экстраполируемый на кого-то не причастного к переживанию физического недостатка.

Инвалидность, цирк уродов, Элисон Лэппер, нацизм, Другие

Прежде чем обсуждать образ инвалида, следует напомнить трансформацию представлений о теле в истории культуры. По Платону, тело – всего лишь временная форма пребывания бессмертной души. Однако роль этой формы столь же важна, как важна прочность сосуда, наполненного жидкостью. Тело (как внешний облик) представляется и как «печать богов», одаривших человека красотой или, напротив, физическим несовершенством. Понятие «физиология» как определенный набор навыков, необходимый юноше для достижения практических целей (успехов в ремесле, искусстве ухаживания, военных и спортивных победах), не в последнюю очередь включает и необходимую заботу о теле как хорошо отлаженном механизме.

Из Первого послания апостола Павла к коринфянам мы знаем, что зло в христианстве связывается не с телом как таковым, а с бездуховным (извращенным) существованием тела. Вместе с тем, почитание верующими тела Христова как источника бессмертия сочетается с подчеркнуто уничижительным отношением к телу собственному. «Умаление плоти» не редко (в основном в монашеских орденах) принимало форму ритуального самоистязания.

По-иному образ тела выглядит в иудаизме и исламе. Вместилище души предстает в этих традициях еще и залогом будущего «телесного бессмертия» праведных. Отсюда не только бережное

отношение к телу, принятое в этих культурах как при жизни, так и после смерти, но и особая чувственная телесность посмертного существования.

Новое и новейшее время с началом развития современных нам биологии, химии и анатомии воспринимает тело как рационально познаваемый (хотя и до сих пор частично познанный) автомат. Тело здесь – самодвижущийся биологический механизм, находящийся в зависимости от социальных условий и окружающей среды, призванный воспроизводить максимальное количество особей, подобных себе.

Наконец, технологии, позволяющие смоделировать в виртуальном пространстве трехмерную копию любого органа человека, позволяют говорить о постепенном «растворении» тела во всеобщем информационном космосе. Предоставленные нам возможности по изменению собственной внешности также заставляют нас размышлять о культуре тела. Трансформация телесных практик привела к тому, что тело все чаще становится предметом гуманитарных наук. В этом же «символическом» ключе следует рассматривать и проблему инвалидности.

Нравственность общества характеризуется, в том числе, и отношением к индивидам, которых в новейшей истории называют «людьми с ограниченными возможностями». В духовной жизни современного человека наряду с принципом толерантности живут осознание значимости парео-

лимпийского движения, необходимости создания доступной среды для всех членов общества, потребность в опеке и заботе о тех, кто по каким-либо причинам ограничен в своем сознании, поведении и деятельности. Но эти позитивные тенденции в развитии общественной нравственности не отменяют двух важнейших фактов: изменение взгляда на инвалидность требует постоянного социального стимулирования; человек с ограниченными возможностями не перестает воспринимать свое положение в обществе как отчужденное и неестественное, какие бы действия общество не предпринимало. Субъективный опыт инвалидности может быть проанализирован как особенность индивидуального развития личности, так и в социально-культурологическом аспекте – как форма трансформации отношения к инвалидам в истории и современности.

В истории человечества инвалид как «чужой», как предельное, зримое воплощение Другого вызывал две крайние реакции ближнего: отчуждение, отторжение или страх, иногда граничащий с преклонением. В традиционном греческом полисе раб, получивший травму (например, ставший хромым), получал должность педагога, т. е. становился детоводителем, сопровождавшим детей своих господ в дома учителей. В подобном же обществе искренне считалось, что человек, лишённый с рождения какой-либо способности (например, связанной с органами чувств) по воле Богов, обладает задатками предсказателя и оракула. Примером такого вещего инвалида является персонаж древнегреческих мифов и трагедий слепой от рождения старец Тересий. Именно он открывает отцеубийце Эдипу глаза на правду о невольном его преступлении и предсказывает несчастному печальную судьбу. Кстати, тот же Эдип, чье имя означает «опухшие ноги», был хром. Слепота совершенно обесценивает человека, слепой ни на что не годится, но только слепец (Тиресий) наделен даром умного зрения.

Экзистенциальная философия провозглашает, что «полноценная», «умная» жизнь обеспечивается готовностью отказаться от жизни. Ни в коем случае речь не идет о самоубийстве или калечении себя, потому что это злобный и мстительный отказ. Отказ же благодатный – это отказ от себя, делающий собой: не переступив через себя, собой не станешь. Такой отказ от «ценностей» в

смысле обретения независимости от разных возможных благ переводит нас в режим свободы. Бог есть свобода, и когда я раб Божий, я – свободный человек.

В истории человечества люди, представляющие высшие силы (шаманы, жрецы) часто представлены лицами с физическими недостатками – нередко без ноги, без руки, без языка, без уха, без глаза. Их внешний вид уже вызывал трепет, мистичный ужас, страх. «Виктимные признаки» среди сонма Богов и Героев являются не только примером ужаса человека перед необъяснимым «отклонением от нормы», но и одной из сторон формирования взаимоотношений между инвалидом и обществом. Если верить Гомеру, победитель чудовищ Геракл страдал не только приступами немотивированной жестокости (пелена Гекаты), во время которых «члены его тряслись, как ветви на ветру, а изо рта истекала бурая пена»; герой был вдобавок наделен «парой глаз, подобной лунам» и «тремя рядами зубов». Хотелось бы знать, идет ли здесь речь об эпилепсии или ином тяжелом заболевании? Тело Одиссея, по преданию, было покрыто шрамами и рубцами, а затянувшиеся раны героя имели свойство внезапно открываться. Не менее значимым примером мистификации физического недостатка является фигура хромого и горбатого Бога-кузнеца Гефеста и его увечного и безобразного сына – Бога Пана, царя лесов и полей. Пан, как известно, обладал невероятным влиянием на человеческую толпу, одним своим появлением сея среди людей ужас и смятение, получившие по его имени название паники.

В германо-скандинавской мифологии царь Богов – Один так же является носителем физического увечья, представляясь своим поклонникам в облике одноглазого воина, тем самым наделяя викингов, пострадавших на поле брани, героическим статусом. Древние культы «варварских» племен не различали увечий нанесенных духу и телу колдуна. Зооморфное воплощение колдуна, являющееся отражением духа или тотемного животного, напрямую ассоциировалось с телом. Так получив рану или увечье, колдун, находящийся в облике животного, получал идентичное увечье своего человеческого тела. Обычай древней Спарты, предписывавший оставлять нежизнеспособных детей на волю судьбы или сбрасывать их со скалы, тоже являлся своего рода способом от-

купа смертных от прогневавшихся Богов, явивших своё недовольство через рождение несчастного уродца.

Интересно, что согласно одному из апокрифических Евангелий (Евангелие от Никодима), младенец Иисус также страдал врождённой хромотой. Эта деталь явилась одной из причин признания Никео-Цареградским собором данного Евангелия в качестве неканонического. «Совершенный человек и совершенный Бог» Иисус не мог быть носителем физического недостатка, бросавшего тень на Божественное происхождение Мессии. Хромота Гефеста и Пана при этом никак не мешала их пребыванию в Олимпийском пантеоне.

Иджма – житие мусульманского пророка Мухамеда содержит упоминания о том, что в момент получения пророком откровений от Аллаха глаза Мухамеда закатывались, а сам он «ревел подобно верблюду и ослу». Такие откровения, являвшие избранность пророка, его отклонения «от нормы» исполняли мистического ужаса наблюдавших его современников. Предположение Достоевского об откровениях основоположника ислама звучит прозаичнее: «А не в припадке ли обозревал пророк жилища Аллаховы?»

Так или иначе, следует отметить, что «отклонение от нормы» вызывает в обществе, как минимум, ещё одно чувство – любопытство. А чем ещё можно объяснить популярность в Европе, США и России так называемых цирков уродов? Артисты такого рода цирков – сиамские близнецы, «гиганты», «карлики», люди лишённые или наделённые «лишними» конечностями, пользовались популярностью, не меньшей, чем слава современных спортсменов, рок- и поп-звезд. Из своего «недостатка» артисты цирка уродов делали шоу, гвоздь представления. Так, например, в начале XX в. в России существовал исключительно популярный цирк уродов – цирк «Брасс», носящий имя его создателя. В цирковой труппе именно создатель и хозяин цирка Брасс был единственным человеком без физических недостатков. Звездой этого цирка была безногая женщина-акробатка и клоунесса, передвигавшаяся по канату и манежу на руках. Её необычный вид, вызывающее поведение и стремление эпатировать публику делали каждый номер коктейлем из шока, смеха и гротеска. Безногая артистка имела такой успех, что её номера в одиночку собирали практически всю кассу цирка.

Особенно трудным и неоднозначным следует признать положение инвалидов в «закрытых» и тоталитарных обществах. Формальную причину стремления таких обществ к устранению «проблемных» граждан следовало бы искать в присутствии тоталитаризму культе здоровья. Подобно древней Спарте, в нацистской Германии был развит культ «здоровой нации», а сталинский СССР долгое время существовал с верой в то, что присутствие инвалидов войны в крупных городах порочит облик народа-победителя. Но если инвалидофобия спартанцев была вызвана постоянной необходимостью вести войну за выживание, то нацисты и большевистские вожди имели для борьбы с калеками куда более утилитарные причины. Отсутствие уродливых и увечных не просто демонстрировало миру превосходство «арийской расы» или «социалистического образа жизни», оно снимало с общества ответственность за судьбу, лечение и содержание своих неполноценных, «негодных» граждан.

В Германии идеологи такой «чистки» Альфред Хохе и Карл Биндинг предложили целую программу по физическому устранению неполноценных людей. Получившие от фюрера *carte blanche* на «уничтожение жизни, недостойной жизни», Хохе и Биндинг были убеждены, что люди с физическими и умственными отклонениями не достойны жизни и являются для общества здоровых людей непосильной обузой. Во главу угла нацистами ставилась экономическая сторона «инвалидной проблемы». По подсчётам экономического ведомства Третьего рейха, уничтожив 70 тыс. больных, Германия сэкономила на их лечении и питании около 890 млн рейхсмарок. Операция, названная «Т-4», имела подзаголовок «смерть из милосердия». Под руководством профессора Карла Брандта и оберштурмбанфюрера СС Филиппа Боулера была составлена программа уничтожения. Список приговорённых включал пациентов психиатрических клиник, умственно отсталых, дееспособных инвалидов, больных с тяжёлыми физическими уродствами и наследственными отклонениями, пациентов, находившихся на лечении более 5 лет, страдающих наркозависимостью или алкоголизмом. До 1944 г. под действие операции «Т-4» наравне с инвалидами попадали гомосексуалисты и лесбиянки «как не дающие потомства неполноценные люди, уродующие облик нации». Умерщвление инвалидов, как прави-

ло, проводилось при помощи смертельной инъекции или массового удушения в газовых камерах с использованием газа Циклон Б. При всех прочих равных, немало интересен тот факт, что «проблема инвалидности» имела в Третьем рейхе в буквальном смысле слова государственное значение. Дело в том, что министр рейхспропаганды Пауль Йозеф Геббельс с рождения был инвалидом, страдавшим тяжелой формой кифосколиоза, и всю жизнь носил корсеты и ортопедическую обувь. А сам Адольф Гитлер, переживший в 1915 году ипритовую атаку, страдал от наркозависимости и был инвалидом Первой мировой войны. Не в последнюю очередь по этой причине газ иприт никогда не использовался нацистами.

Для решения той же «инвалидной проблемы» в послевоенном СССР никто не тратил ни газа, ни свинца. Жизнь неполноценных распорядились с простотой, которая могла бы вызвать зависть рачительных немецких коллег: большинство инвалидов войны медленно умирали в ссылке и изоляции. Из Указа Президиума Верховного Совета СССР «О мерах борьбы с антиобщественными, паразитическими элементами» от 26 июля 1954 года: «Закончить по РСФСР в 1954 году строительство домов инвалидов и интернатов в объеме, предусмотренном Постановлением Совета министров Союза ССР № 2590–1264с от 19 июля 1951 года. Обязать также Советы министров союзных республик построить в 1954–1955 годах необходимое количество домов для престарелых и инвалидов [1].

Для предотвращения самовольных уходов из домов инвалидов и престарелых лиц, не желающих проживать там, и лишения их возможности заниматься попрошайничеством, часть существующих домов инвалидов и престарелых преобразовать в дома закрытого типа с особым режимом». Формулировка «дома закрытого типа с особым режимом» не оставляет сомнений в том, что подобные заведения не многим отличались от лагеря. Один из таких домов был расположен на острове Валаам. В результате такой политики, к сожалению, образовалась категория фронтовиков, несправедливо забытых, вычеркнутых из списков Победителей. Это именно те обитатели домов-интернатов для инвалидов и престарелых, куда с конца сороковых годов прошлого столетия свезли с улиц городов, поселков и сёл неприкаянных безруких, безногих, слепых участников войны, просящих милостыню или жалобно играющих на гармошке на базарах и вокзалах [2].

Инвалидность и переживание – самостоятельная тема для обсуждения, но важно заострить внимание на концепции желания в случае с инвалидом. Что значит фраза: «я хочу»? Пользуясь свободой воли, мы либо отвергаем условия бытия, в которые брошены, поскольку «я хочу» всегда означает «хочу иначе», либо стремимся привнести в свое бытие нечто от себя собственным или сторонним усилием. «Я хочу», произнесенное инвалидом, выражает его протест против собственной несвободы, невозможности (disabilities) осуществить нечто желаемое. Это зачастую не некое сумасбродное желание-вообще («Хочу, чтобы у моих ног тек Нил»), но желание, проистекающее из непосредственного переживания человеком ограниченности своего бытия. Возможно возражение, что подобная концепция желания присуща и «здоровым». Верно. Но человек, не переживающий ограниченности своего бытия, не ощущает дистанции между сиюминутным «я хочу», «я сделаю», «я делаю» и «я сделал». У человека, чьи физические возможности ограничены, такая дистанция носит экзистенциальный характер хайдеггеровского «Abstand», определявшего «расстояние» между «сейчас» и «после», на преодоление которого требуется энергия поступка. Преобразование потенциальной энергии поступка в энергию кинетическую, нередко возлагается на присутствующего рядом с инвалидом компаньона, «другого», являющегося его «руками», «глазами», «ногами» или «ушами». В Западной Европе подобный компаньон имеет особый, закрепленный за ним социальной службой статус «ежедневного ассистента» (The natural assistant British Oxword's deontological dictionary). Человеку, чье существование ограничено невозможностью простого поступка, необходим этот «другой» в осуществлении элементарного для многих из нас «я хочу». «Ежедневный помощник инвалида» (как «другой») живо перекликается с сентенцией К. Леви-Стросса, гласящей, что индивидуальное бытие, с которым имеет дело переживание, обладает значительной степенью уникальности и к тому же исключительным непостоянством. Переживание перестает быть «частным случаем», «становится бытием», но только, когда оно становится событием, т. е. когда мы можем делить переживание с другим [3, с. 123–124].

В случае с инвалидом как «неполным» человеком метонимия желания – акта взаимного воссоздания двух «Я» – обнажена еще острее. Стремление, жажда восполнить собой обоюдную открытость-пустоту, выраженную, в том числе, и

физически, умножает потенциальную силу желания, превращая его во всеобщее и необходимое условие самовосприятия человека как личности. Метафорическое выражение желания инвалида в некоторой степени отражено в творчестве Питера Брейгеля Старшего. На своем полотне «Притча о слепых» Брейгель через библейскую метафору выражает переживание человеком своей экзистенциальной беспомощности, «дословно реализованной» в бытии инвалида. В творчестве Брейгеля, возможно, помимо желания художника манифестированы не только авторские суждения и переживания, но и переживания непосредственно инвалида, мучимого своей инаковостью.

Оставив за скобками социальный аспект существования инвалида, попробуем задуматься о смысле слова «переживание». По Хайдеггеру, переживание есть упрочение жизненной связи, т. е. жизни как целого, поскольку в переживании собрано всё богатство жизни. [4, с. 289–290]. Несмотря на то, что эмоциональная настроенность на переживание жизненного опыта является общечеловеческим феноменом и характеризует открытость собственным переживаниям, в случае с инвалидами эта открытость имеет свою специфику. Переживание своих возможностей инвалидами выражается не только в радости, стремлении к удовольствию, но и душевной боли, страхом, тревогой, переживаемыми ими острее здорового человека, именно в силу большей открытости инвалида переживанию.

Субъективный мир инвалидов отличается от субъективного мира других людей своей цен-

ностно-смысловой спецификой и большей напряжённостью отношения к своим возможностям и ограничениям, так как состояние современной культуры дает повод разделять эти миры людей – мир инвалидов и мир «здоровых». Примерами такого разделения могут выступать существование отдельно общего и коррекционного образования, отсутствие доступной среды к институтам социального значения, строительство отдельных жилищных массивов для инвалидов рядом с учебно-производственными предприятиями, существование в культуре стереотипного образа инвалида и т. д.

В завершение следует сделать вывод: кем бы ни был инвалид – избранником богов, смиренным рабом Божьим, поводом для страха или насмешек, звездой цирка уродов, обузой для общества или живым показателем степени нашей цивилизованности – он, прежде всего, человек, боль и опыт существования которого невозможно передать словами или изящными сравнениями. Опыт инвалидности – опыт по определению личный, субъективный и не экстраполируемый на кого-то не причастного к переживанию физического недостатка. При этом, именно фигура инвалида, всегда вызывающая столь полярные человеческие реакции, является напоминанием о том, что наши представления о свободе, несвободе, норме и патологии, нравственности и безнравственности отнюдь не столь универсальны, как нам хотелось бы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 78. Л. 41–461. Арх. МВД СССР.

2. Кузнецов Е. Валаамская тетрадь. СПб.: Росток, 2003.

3. Леви-Стросс К. Структурная антропология. М.: Прогресс, 1983.

4. Heidegger M. Gesamtausgabe. Frankfurt am Main: Verlag Vittorio Klostermann, 1991. Bd. 3. P. 318.

G. G. Khubulava

Saint-Petersburg state electrotechnical university «LETI»

Disability. Subjective experience

Article deals with the evolution of disability in modern society, taking into account the relationship to disables in closed totalitarian societies. Experience of disability - personal experience, by definition, subjective and not extrapolated to someone not involved in the experience of physical disability.

Disability, circus of freaks, Alison Lepper, nazism, others